

Лавсаик

Или повествование о жизни святых и блаженных отцов

Епископ [еп. Палладий Еленопольский](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге описаны добродетельное подвижничество и чудный образ жизни блаженных и святых отцов — монахов и отшельников пустынных — для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную; также описаны воспоминания о женах — старицах и богоугодных матерях, с мужественной ревностью подъявших труды добродетельного подвижничества, в пример любви к Богу для жен, желающих украситься венцом воздержания и чистоты. Описаны по желанию одного достопочтеннейшего мужа, и по уму многосведущего, и по нраву тихого, и по сердцу благочестивого, и к нуждающимся в необходимом щедрого, и за честность нравов возведенного на самый верх достоинств, предпочтительно перед многими отличными мужами, и несомненно хранимого силою Духа Божия. Он поручил нам, а лучше сказать, медлительный на созерцание лучшего ум наш возбудил к соревнованию и подражанию подвижническим добродетелям преподобных духовных наших отцов, поживших в угождении Богу и в великом изнурении тела; поручил, чтобы мы, описав жизнь непобедимых подвижников, послали это описание к нему, с изображением строгих добродетелей каждого из этих великих мужей. Любитель этого богоугодного и духовного желания есть отличнейший муж Лавс, по воле Божией поставленный хранителем богопросвещенного царства.

Я, и необразованный языком, и слегка только вкусивший духовного знания, и недостойный описывать духовную жизнь святых отцов, убоявшись важности поручения, превышающего мои силы, не хотел было принять его, так как оно требует и внешней мудрости и духовного ведения; но, уважая, во-первых, добродетельную ревность побудившего нас к этому труду, приняв также во внимание и пользу читателей и боясь подвергнуться опасности даже за благовидное непослушание, я приписал это важное поручение Промыслу Божию и, употребив со своей стороны великое тщание, окрыляемый предстательством святых отцов, вступил в подвиги сего поприща. Однако же описал как бы в сокращении, только самые высокие дела и знамения доблестных подвижников и великих мужей, и не только знаменитых мужей, проводивших отличную жизнь, но и блаженных и честных жен, подвизавшихся в высоком житии. Священнолепные лица некоторых из них удостоился я видеть сам, а небесную жизнь других, уже совершившихся на поприще благочестия, узнал от богоносных подвижников Христовых. Для благочестивой цели с великим усердием обошел я пешком многие города и весьма многие села, также пещеры и все пустынные кущи иноков. И после того как иное сам я увидел и описал, а другое услышал от святых отцов, изобразив в этой книге подвиги великих мужей и упованием на Христа победивших природу жен, посылаю сие описание к любящему слово Божие слуху твоему, украшение наилучших и боголюбивых мужей и слава вернейшего и боголюбивого царства, искренний и христоролюбивый раб Божий Лавс! Со свойственной мне краткостью запечатлел и знаменитое имя каждого из подвижников Христовых, мужей и жен; потом из многих и весьма великих подвигов рассказал только о немногих и весьма кратко, а у большей части из них обозначил и происхождение и место жительства. Упомянул я и о тех мужах и женах, которые, достигнув самой высокой добродетели, по высокомерию и тщеславию низверглись в самую глубокую бездну, на дно ада, и приобретенные долговременными и многими трудами, достолубезные и великих усилий стоившие совершенства подвижнические от гордости и надмения потеряли в одно мгновение, но благодатью Спасителя нашего, попечением святых отцов и состраданием духовной любви исхищены из сетей диавола и по молитвам святых

возвратились к прежней добродетельной жизни.

1. ОБ ИСИДОРЕ СТРАННОПРИИМЦЕ

Сначала пришел я в город Александрию во второе консульство великого царя Феодосия (ныне за свою правую веру во Христа пребывающего с Ангелами) и в этом городе встретил мужа, дивного по жизни, украшенного всеми совершенствами — и словом, и нравом, и ведением. То был пресвитер Исидор, странноприимец Александрийской Церкви. Первые годы юности, говорят, провел он в пустыне, в трудах подвижничества. Видел я и келлию его в горе Нитрийской. Ему было лет семьдесят, когда я пришел к нему. Прожив еще пятнадцать лет, он скончался в мире.

Сей святой муж до самой кончины своей не носил льняной одежды, кроме покрова на голове, не ходил в баню, не касался мяса, никогда не вкушал пищи до сытости. А между тем по милости Божией тело его было так полно, что все, кто не знал жития его, думали, что он живет весьма роскошно. Если б стал я рассказывать подробно о каждой добродетели его, то у меня не достало бы времени для рассказа. Он был так кроток, человеколюбив и миролюбив, что самые враги его, которых он имел по причине своей правой веры во Христа, уважали, можно сказать, тень сего мужа за чрезвычайную его доброту. А духовную благодать святой муж этот имел столь великую и такое ведение Священного Писания и разумения Божественных догматов, что даже во время трапезы, в часы, когда с братией по обыкновению принимал пищу, ум его приходил в восторг и уединял его. Когда его просили рассказать, что было во время этого восторга, он говорил:

— Я странствовал мыслью, был восхищен таким-то созерцанием.

Я и сам часто видел, как он плакал во время трапезы. На вопрос мой о причине слез он отвечал:

— Стыдно мне, разумному созданию, питаться бессловесной пищей; мне бы следовало быть в раю сладости и там насыщаться нетленной снедью, по данной нам от Христа власти.

В Риме он был известен всему Сенату и женам вельмож с того времени, как приходил туда, сперва с Афанасием Великим, а потом со святым епископом Димитрием. Он, хотя имел большое богатство и изобилие в потребностях житейских, но перед смертью не написал завещания и сестрам своим, девицам, не оставил ни денег, ни вещей, а поручил их Христу такими словами:

— Бог, сотворивший вас, дарует вам и потребное для жизни, как и мне даровал. С сестрами жило в одной обители семьдесят дев.

2. О ДОРОФЕЕ

Когда еще в молодости я пришел к нему (Исидору) и просил преподавать мне первоначальное наставление в монашеской жизни — между тем как мне, по пылкости возраста, нужны были не слова, а труды телесные и изнурение плоти, — он, как искусный укротитель молодых коней, выведший меня в так называемые пустынные келлии, верст за пять от города, поручает Дорофею, одному подвижнику Фивейскому, жившему около шестидесяти лет в пещере, и приказывает мне пробыть при нем три года для укрощения страстей моих (он знал, что старец сей ведет самую суровую жизнь), а по истечении трех лет опять возвратиться к нему для дальнейшего духовного наставления. Но я не смог прожить у него трех лет: сильная болезнь заставила меня оставить его раньше определенного срока. Жизнь его была самая суровая, многотрудная и строгая. Целый день, и в самый зной полуденный, собирая камни в пустыне приморской, он постоянно строил из них келлии и потом отдавал их тем, которые сами не могли строить, и таким образом каждый год строил по келлии. Однажды я сказал этому святому мужу:

— Что ты делаешь, отец, в такой старости, убивая свое тело на жаре такими трудами?

Он отвечал мне:

— Оно убивает меня, а я буду убивать его.

Съедал он унций шесть хлеба в день и связочку овощей да выпивал немного воды. Бог свидетель, не видывал я, чтобы он протянул ноги, или лег спать на рогоже, или на постели; всю ночь, бывало, сидит и вьет веревки из финиковых ветвей на покупку себе хлеба. Думал я, что, может быть, он при мне только начал вести такую строгую подвижническую жизнь, и тщательно стал расспрашивать многих учеников его, всю ли жизнь он так подвизается (из них иные жили отдельно друг от друга и сами славились добродетелью). Они сказывали мне, что он с юности жил так, никогда не ложился спать, а только разве во время работы или за столом смыкал на несколько минут глаза, так что от дремоты и кусок иногда выпадал у него изо рта. Однажды я понуждал этого святого мужа прилечь немного на рогожу; он огорчился и сказал мне:

— Уговори сперва Ангелов, чтобы они уснули когда-нибудь; тогда уговоришь и ревностного подвижника.

Однажды он послал меня часу в девятом на свой колодец налить кадку, из которой все брали воду. Было уже время обеда. Придя к колодцу, увидел я на дне его аспида и, в испуге не начерпав воды, побежал к нему с криком:

— Погибли мы, авва; на дне колодца я видел аспида.

Он усмехнулся скромно, потому что был ко мне весьма внимателен, и, покачивая головою, сказал:

— Если бы диаволу вздумалось набросать аспидов, или змей, или других ядовитых гадов во все колодцы и источники водные, ты не стал бы пить?

Потом, выйдя из келлии, он сам налил кадку и первый тотчас испил воды, сотворив крестное знамение над ней, сказав:

— Где крест, там ничего не может злоба сатаны.

3. О ПОТАМИЕНЕ

Блаженный Исидор-странноприимец рассказывал мне, что он был у святого и блаженного Антония и слышал от него нечто такое, что стоит записать. Именно: одна прекрасная лицом девица, Потамиена, во время Максимиана-гонителя была рабою у какого-то сластолюбца. Господин долго старался обольстить ее различными обещаниями, но не мог. Наконец, придя в ярость, он представил ее тогдашнему александрийскому префекту как христианку, которая хулит настоящее | правительство и царей за гонения, и обещал ему довольно денег за наказание ее.

— Ежели ты, — говорил он, — убедишь ее согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию.

А если она по-прежнему будет оставаться непреклонной, просил уморить ее в мучениях:

— Пусть же, — говорил он, — живая не смеется над моей страстью.

Привели мужественную девицу пред судилище и начали терзать тело ее разными орудиями казни; в то же время и уговаривали ее различными словами, но она оставалась непоколебимою в своей душе, как стена. Тогда судья избрал из числа орудий казни самое страшное и мучительное: он приказал наполнить большой медный котел смолою и поджигать его сильнейшим огнем. Когда смола стала клочкотать и кипеть, безжалостный судья обратился к блаженной девице и сказал:

— Или ступай, покорись воле твоего господина, или знай: я прикажу бросить тебя в этот котел.

Потамиена отвечала:

— Можно ли быть таким несправедливым судьей, чтобы приказывать мне повиноваться сладострастию?

Разъяренный судья повелел раздеть ее и ввергнуть в котел; тогда она вскрикнула и сказала:

- Заклинаю тебя жизнью императора, которого ты боишься, прикажи, по крайней мере, не раздевать меня, если ты уже присудил мне такую казнь, а вели понемногу опускать в смолу, и ты увидишь, какое терпение даровал мне Христос, Которого ты не знаешь.

Таким образом ее понемногу опускали в котел в продолжение почти трех часов, пока она не испустила дух, когда смола дошла ей до горла.

4. О СЛЕПЦЕ ДИДИМЕ

В Церкви Александрийской тогда было много святых мужей и жен, достигших совершенства в добродетели и достойных наследовать землю кротких. В числе их подвизался и блаженный писатель Дидим, совсем слепой. Я сам видел его раза четыре, когда лет десять тому назад ходил к нему. Он скончался восьмидесяти пяти лет. Слепцом сделался он, как сам мне рассказывал, еще четырех лет. Грамоте он не учился и никаких учителей не знал. Свой природный ум был для него верным наставником. Он украсился такой благодатью духовного ведения, что на нем делом исполнилось сказанное: Господь умудряет слепцы (Пс. 145, 8). Книги Ветхого и Нового Завета знал он все дословно, а догматы изучал так тщательно и учение, в них содержащееся, излагал так тонко и основательно, что ведением превзошел всех древних.

Однажды он заставил меня сотворить молитву в своем доме, и так как я не хотел, то он рассказал мне вот что:

— В эту келлию три раза входил блаженный Антоний посетить меня, и когда я предлагал ему сотворить молитву, он тотчас преклонял колена в сей самой келлии, не дожидаясь, чтобы я повторил приглашение; так он делом научил меня послушанию. И ты, если последуешь его житию, как монах и пришелец ради добродетели брось всякое упрямство.

Он же рассказывал мне еще следующее:

— В один день я размышлял о жизни гонителя — несчастного царя Юлиана. Мне так было грустно от этих мыслей, что я ничего не вкушал ю позднего вечера. И вот, сидя на скамье, заснул я и вижу видение. Мимо меня скачут на белых конях всадники и кричат: "Скажите Дидиму: сегодня в седьмом часу Юлиан скончался; встань и ешь, и пошли весть епископу Афанасию на дом, чтобы и он узнал об этом". Я заметил, — сказал Дидим, — час и день, неделю и месяц. Так и оказалось.

5. ОБ АЛЕКСАНДРЕ

Рассказывал мне этот писатель Дидим об одной служанке, по имени Александра. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала что нужно через отверстие, а сама не показываясь на глаза ни мужчинам, ни женщинам около десяти лет. В десятое лето почив, сия блаженная, говорят, сама себя приготовила к погребению. Женщина, которая к ней ходила, придя по обыкновению, не получила ответа и сказала нам об этом. Мы отправились, открыли вход в пещеру гроба, вошли туда и увидели, что она почил.

Говорила нам о ней и приближенная ее — Мелания Римляныня (о которой в свое время и в своем месте расскажу):

- Не могла я, — говорит она, — видеть сию блаженную в лицо, но, встав у отверстия, просила ее открыть причину, по которой она оставила город и заключила себя во гроб.

Она отвечала мне через отверстие:

- Один человек сходил с ума по мне. Чтобы не огорчить и не бесчестить его, я решила лучше заключить себя живой в этой гробнице, нежели соблазнить душу, созданную по образу Божию.

Тогда я сказала ей:

— Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь, а одна ратуешь против скорби и помыслов?

Она отвечала:

— С самого утра часа до девятого я молюсь и с час пряду лен, в остальные часы припоминаю себе сказания о вере святых отцов и патриархов, о подвигах блаженных Апостолов, пророков и мучеников. Когда наступает вечер, я, принеся славословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благою надеждою и явлюсь Лицу Христову.

Расскажу теперь и о тех, которые, имея вид благочестия, жили в небрежении о душе своей; (расскажу) к похвале достигших совершенства в добродетели и для предостережения читателей.

6. О СРЕБРОЛЮБИВОЙ ДЕВСТВЕННОЙ

В Александрии была одна девственница, впрочем, по имени только, ибо хотя имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбивая, нежели христолюбивая: из своего имущества никогда не подавала она ни одного окола ни страннику, ни бедному, ни монаху, ни девственнице, ни несчастному, ни в церковь. Несмотря на многие увещания святых ОТЦОВ, она не свергала с себя тяжести богатства. Были у нее и родные, и она взяла к себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, отвергшись сама небесной любви. А это и есть одно из обольщений диавола, который порождает в человеке недуг любостязания под предлогом родственной любви. О родстве у него совсем нет заботы: это видно из того, что он научил братоубийству, матереубийству и отцеубийству, как известно из Священного Писания. Иногда, кажется, он и побуждает пещись о родных, но делает это не по благорасположению к ним, а для того, чтобы увлечь душу к несправедливому делу, верно зная сказанное: несправедливые Царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9). Кто водится духовным разумением и Божественной любовью, тот может и не оставляя попечения о своей душе помогать РОДНЫМ в нуждах и доставлять им различные пособия. Но кто всю душу свою поработил заботе о родных, тот подлежит суду Закона за то, что мало ценил свою душу. И священный псалмопевец Давид так поет о тех, которые пекутся о душе в страхе Божиим: Кто взыдет на гору Господню (вместо того, чтобы сказать: редкий), или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всею душу свою (Пс. 23, 3, 4). А приемлют всею душу свою те, которые думают, будто она разрушается вместе с этой плотью, и не радят о добродетелях духовных.

Эту девственницу по имени только, а нравом чуждую подвижничества, захотел излечить от недуга любостязания святейший Макарий, пресвитер и надзиратель богадельни для увечных, и придумал следующее средство. Надо заметить, что в молодости своей он обрабатывал камни. Вот он, придя к ней, говорит:

— Попались мне дорогие камни: изумруды и яхонты; краденые они или купленные — не могу сказать, только эти камни бесценные. Хозяин продает их за пятьсот червонцев. Если тебе угодно купить их, дай мне эти деньги. Камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы.

Девственница, всею душою привязанная к племяннице, обрадовавшись случаю нарядить ее, падает в ноги Макарию и говорит:

— Сделай милость, не отдавай их никому! Святой муж приглашает ее к себе.

— Дойди, — говорит, — до моего дома и посмотри камни.

Но она не захотела этого и тут же отдала ему пятьсот червонцев, говоря:

— Прошу тебя, достань их как хочешь; мне не хочется видиться с человеком, который продает их.

Святой Макарий, взяв у нее пятьсот червонцев, употребил их на нужды богадельни. Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях, потому что этот муж пользовался в Александрии большим уважением как старец весьма благочестивый и милостивый. (Он жил около ста лет, и я еще застал его в живых). Наконец, найдя его в церкви, говорит ему:

- Что ж те камни, за которые мы дали пятьсот червонцев?

Он отвечал ей:

В тот же самый день, как ты дала мне их, я и заплатил их за камни; и если хочешь увидеть их, пойди в мой странноприимный дом — там лежат эти камни; посмотри, понравятся ли они тебе; в противном случае возьми свои деньги назад.

Девственница пошла с радостью. Странноприимный дом имел два отделения; в верхнем помещались женщины, а в нижнем — мужчины. Когда она пришла к дому, святой ввел ее в ворота и сказал:

- Что угодно тебе сперва видеть: яхонты или изумруды?

— Что хочешь, — ответила она.

Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал ей:

- Это вот яхонты!

Потом свел ее вниз и, указывая на таких же мужчин, сказал:

- А это изумруды! И я полагаю, что драгоценнее этих нигде не найти! Если они не нравятся тебе, возьми свои деньги назад.

Пристыженная девственница вышла и, придя Домой, занемогла от великой печали, потому что сделала доброе дело не по любви к Богу, а против воли. После она благодарила старца, когда девица, о которой она заботилась, по выходе замуж умерла бездетной и когда уже сама она стала употреблять свое имущество как должно.

7. О НИТРИЙСКИХ ПОДВИЖНИКАХ

Посетив многих святых и прожив года три в монастырях около Александрии, где видел до двух тысяч великих, весьма ревностных и доблестных мужей, украшенных всякой добродетелью, я оттуда пошел в Нитрийскую гору. Между этой горой и Александрией находится озеро, называемое Мариа. Оно простирается миль на семьдесят. Переплыв его, через полтора дня пришел я к горе со стороны полуденной: к сей горе прилежит большая пустыня, простирающаяся даже до Ефиопии, Мазиков и Мавритании. На горе живет до пяти тысяч мужей, которые ведут различный образ жизни, кто как может и хочет, так что можно там жить по одному, и по двое, и многим вместе. У них семь пекарен, в которых готовят хлебы и для себя, и для отшельников, удалившихся в большую пустыню, числом до шестисот. Прожив в сей горе целый год и получив великую пользу от блаженных и преподобных отцов, каковы Арсисий Великий, Путуваст, Агион, Хроний и Серапион, я,

возбужденный многими их рассказами о древнейших духовных отцах, пошел в самую глубину пустыни. В этой горе Нитрийской только одна церковь, весьма обширная. Возле церкви находится странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его в горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему дозволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни ему дают дело или в саду, или в пекарне, или на поварне. Если же странник человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать ни с кем не дозволяют до шестого часа дня. В этой горе живут и врачи, и аптекари. Употребляют здесь и вино и продают его. Платье себе делают все сами своими руками, так что в этом отношении они не знают нужды. По наступлении вечера можно стать и слышать в каждой келлии хвалебные песни и ПСАЛМЫ, воспеваемые Христу, и молитвы, воссылаемые на Небеса: иной подумал бы, что он восхищен и перенесся в рай сладости. В церковь собираются, только по субботам и воскресным дням. При этой церкви восемь пресвитеров, но доколе ЖИВ первый пресвитер, прочие не служат, не судят и не говорят поучений, а только совосседают с ним в безмолвии.

Великий Арсисий и с ним многие другие святые старцы, которых мы видели, были современниками блаженному Антонию. Из них великий Арсисий сам мне рассказывал, что он знал и Амуна Нитрийского, душу которого видел великий Антоний, когда ее приняли Ангелы и возносили на Небо. Говорил он еще, что знал и Пахомия Тавеннисского, имевшего дар пророческий и бывшего архимандритом трех тысяч мужей. О его добродетелях расскажу после.

8. ОБ АМУНЕ

Арсисий Великий рассказывал мне, как жил Амун. Оставшись после родителей сиротой, он на двадцать втором году от роду принужден был своим дядей вступить в супружество. Не будучи в состоянии противиться настоящему требованию дяди, он решился обвенчаться, сидеть при брачном торжестве и выполнить все брачные обряды. Но как скоро вышли все, провожавшие их в брачный покой, блаженный Амун запирает дверь и, сев, начинает беседовать с блаженной своей супругой и говорит ей:

— Приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю с тобою. В браке нашем особенно хорошего ничего нет. Так хорошо мы сделаем, если с нынешнего же дня станем спать порознь. Сохраняя таким образом девство свое неприкосновенным, мы угодим и Христу.

Вынув потом из-за пазухи Библию, он как бы от лица Апостолов и самого Спасителя начал читать ее юной девице, незнакомой с Писанием, изъясняя ей большую часть прочитанных мест своим богопросвещенным умом, и наставлял ее в девственной и непорочной жизни, так что она, исполнившись благодатью Христовой, сказала:

— И я, господин мой, решилась с радостью проводить святую, жизнь и буду делать все, что повелишь мне.

— Я повелеваю и прошу, — отвечал он, — чтобы каждый из нас отныне жил особо.

Но это еще было тяжело для нее, и она сказала:

— Останемся в одном доме, только ложе у нас будет разное.

Так жил он с ней в одном доме лет восемнадцать. Весь день работал в саду и в бальзамовой роще (он занимался добыванием бальзама). Бальзамовый куст растет так же, как виноград, и для , чтобы его возделывать и ходить за ним, требуется много трудов. По вечерам, приходя домой и помолившись, он вместе с супругой вкушал пищу, потом возносил ночные молитвы и совершал молитвословия, а весьма рано поутру уходил в свой сад. Когда таким образом оба они достигли бесстрастия, молитвы святого Амуна воздействовали и, наконец, блаженная говорит ему:

- Я имею нечто сказать тебе, господин мой; если ты меня послушаешь, я удостоверюсь, что ты меня истинно по Богу любишь. Он сказал ей:

- Говори, что ты хочешь сказать.

Она продолжала:

- Ты муж благочестивый и подвигаешься в правде, и я ревную житию твоему; точно, нам лучше жить особо; многие получают от этого пользу. А теперь, когда ты непорочно живешь со мною о Господе, столь великое твое совершенство любомудрия от всех сокрыто из-за меня: это неблагоприятно.

Поблагодарив ее и воздав хвалу Богу, Амун говорит ей:

— Хорошо ты решила, госпожа и сестра моя; если тебе угодно, оставайся ты в этом доме, а я пойду построю себе другое жилище.

Разлучившись с ней, он пошел внутрь горы Нитрийской — на ней в то время не было так много монастырей, — построил себе двухэтажную келлию и, прожив еще двадцать два года в пустыне и достигнув высоты подвижнической добродетели, святой Амун скончался, или, лучше сказать, почил в монашеской жизни, шестидесяти двух лет от роду. Со своей сожительнице виделся он в год два раза.

Когда он жил уже один в Нитрийской горе рассказывают, принесли к нему скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укуса бешеной собаки. От невыносимой боли отрок всего себя искусал до крови. Святой Амун, видя родителей его, пришедших просить о сыне, сказал им:

— Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь. Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров.

Пораженные уликой, они с радостью исполнили, что было велено. И по молитве Амуна отрок стал здоров.

Однажды несколько человек пришли к нему, чтобы его видеть. Святой муж, испытывая их, сказал:

— Привезите мне одну бочку воды, чтобы у меня ее довольно было для принятия приходящих.

Они обещали привезти бочку, но, выйдя из келлии, один из них стал жалеть, что дал обещание, и говорит другому:

— Не хочу губить своего верблюда: он падет, если везти на нем бочку.

Услышав это, другой запряг своих ослов и с большим трудом ввез бочку в гору. Амун шел навстречу и спрашивает его:

— Отчего это пал верблюд твоего товарища в то самое время, как ты шел сюда?

Тот, возвратившись, действительно увидел, что верблюда растерзали гиены.

Много и других чудес совершил муж сей. О следующем чуде его рассказывает блаженный миссий Александрийский в описании жития Антония. Однажды ему нужно было перейти через реку Ликон с Феодором, учеником своим, а раздеться он стыдился, чтобы не увидеть своей наготы. Находясь в таком раздумье, он вдруг явился на той стороне реки, как бы в исступлении перенесенный Ангелами. Братия же переплыли реку. Когда Амун пришел к Антонию, то Антоний первый стал ему говорить:

- Бог открыл мне многое о тебе и о твоём представлении возвестил мне. Потому я и приглашал тебя к себе так настоятельно, чтобы, видя друг друга, мы могли помочь один другому.

Он указал ему жилище в одном самом уединенном месте и просил не уходить отсюда до представления. И когда Амун скончался в своём уединении, блаженный Антоний видел, как

Ангелы возносили душу его на небо. Такова жизнь и кончина Амуна. Та река Ликон есть не что иное, как глубокий рукав огромного Нила, и мне даже в лодке страшно было переправиться через нее.

9. ОБ ОРЕ

В сей же горе Нитрийской был чудный подвижник, по имени Ор; в его монастырях было до тысячи братии; вид имел он ангельский; ему было девяносто лет от роду, но тело его ничего не потеряло; лицо у него было светлое и бодрое, и с первого взгляда оно внушало почтение к себе. Сначала долгое время подвизался он в дальней пустыне, но впоследствии основал монастырь в ближней и на месте болота развел деревья, — тогда как тут их совсем не было, — так что в пустыне разросся густой лес. Жившие с ним отцы рассказывали нам, что там даже и куста не было, когда этот муж пришел сюда из пустыни. Развел он этот лес для того, чтобы братиям, собиравшимся к нему, не было нужды ходить по сторонам за необходимыми припасами; о них он прилагал всякое попечение, молился Богу и сам трудился ради их спасения, дабы у них не было недостатка ни в чем необходимом и чтобы никакого предлога не имели они к нерадению.

Сначала, живя в пустыне, он питался травами и сладкими кореньями, воду пил, когда находил, и все время проводил в молитвах и пении. Когда же достиг глубокой старости, явился ему в пустыне Ангел во сне и сказал:

— Ты будешь в народ великий и великое множество людей будет вверено руководству твоему.

Спасется через тебя десять тысяч, и все, кого ты приобретешь здесь, будут повиноваться тебе в будущем веке. Оставь всякое сомнение, — продолжал Ангел, — в необходимых потребностях не будет у тебя недостатка до самой смерти твоей, когда только ни призовешь Бога.

Выслушав слова сии, он пошел в ближнюю пустыню и, выстроив себе небольшую хижинку, жил в ней сначала один, довольствовался одними овощами, да и те вкушал в неделю часто только однажды.

Он был совсем неученый, но по выходе из пустыни в населенное место ему была дана от Бога такая благодать, что он наизусть знал Священное Писание. Когда братия подавали ему Библию, он тотчас начинал читать, как грамотный. Получил он и другую благодать — изгонять бесов, так что многие из одержимых ими громко проповедовали о его житии, хотя он и не хотел того. Совершил он много и других исцелений. Поэтому стеклось к нему три тысячи монахов. При встрече с ними он радостно приветствовал и лобызал их. Сам своими руками умывал им ноги и потом предлагал поучение.

В Писании он был весьма сведущ, так как получил эту благодать от Бога. Изъяснив многие главы из Священного Писания и преподав православное учение о вере, он приглашал их к молитвословию, ибо великие мужи обычно приступают к плотской трапезе не прежде, как уже напитают свои души духовной пищей: эта пища есть принятие Тела Христова. По приобщении и принесении Богу славословия Ор приглашал братий к трапезе, а сам во время стола предлагал добрые и полезные наставления и беседовал с ними о спасении.

Он славился и своей распорядительностью: так, множеству монахов, которые собирались к НЕМУ, он в один день выстраивал келлии. Для этого он созывал всю наличную братию, и один готовил у него глину, другой кирпичи, иной черпал воду. Когда келлии были готовы, приходящие получали от него все нужные вещи. Пришел нему один лжебрат со своим собственным платьем, которое было у него спрятано, и Ор пред всеми обличил его. Оттого никто не смел лгать пред ним, ибо все знали, какую благодать приобрел он себе своей святой жизнью. Сонм монахов, когда они были с ним в церкви, подобию ликам Ангелов, хвалящих Бога.

Вся братия свидетельствует о его великих добродетелях, а особенно раба Божия Мелания, прежде меня приходившая в сию гору. Сам я не застал его в живых. Рассказывая о великих совершенствах сего мужа, она говорила, что он не лгал и не божился, никого не злословил и без нужды никогда не говорил.

10. О ПАМВЕ

В Нитрийской же горе жил блаженный Памво, учитель епископа Диоскора, Аммония и братьев Евсевия и Евфимия, также Оригена, племянника Драконтия, славного и дивного мужа. Множеством великих совершенств и доблестей украшался этот Памво. Но венцом великих совершенств его было такое презрение к золоту и серебру, какого требует слово Господне. Блаженная Мелания рассказывала мне, что она вскоре по прибытии из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора-странноприимца; о добродетельном житии Памвы, в сопровождении самого Исидора отправилась к нему в пустыню.

- Принесла я с собой, — говорила она, — **ЯЩИЧЕК** с тремястами литр серебра и просила его принять это приношение от моих стяжаний. Он сидел и плел ветви и, не оставляя своей работы, дал мне только словесное благословение, сказав:

- Бог наградит тебя.

Потом сказал эконому Оригену:

- Возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам: сии монастыри скуднее прочих, — а из живущих в Египте братий никому не велел давать из этих денег, потому что страна эта, говорил он, плодороднее других.

- Я стояла, — говорит Мелания, — и ждала, что он почтит меня благословением, или хотя слово скажет в похвалу за такое приношение, но, ничего не услышав от него, сама сказала ему:

- Господин мой, да будет тебе известно, что серебра здесь триста литр.

Он и при этом не показал никакого внимания и отвечал мне, даже не взглянув на ящичек:

- Дочь моя! Тому, Кому ты принесла это, не нужно сказывать, сколько тут весу: Он взвесил горы и холмы поставил весом, — Тот паче знает вес твоего серебра. Если бы ты отдала его мне, то хорошо было бы сказать о его количестве, но если ты принесла его Богу, Который не отверг и двух лепт, но еще оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна.

- Так домостроительствовала благодать Господня, — говорила блаженная, — когда пришла я в гору! По малом времени раб Божий почил без болезни и без всякого страдания телесного. Он плел корзину и послал за мною. Когда вплетен был уже последний прут, он сказал мне:

— Возьми эту корзину из моих рук на память обо мне; другого ничего не могу оставить тебе.

— Он отошел, предав дух свой Господу, без болезни, семидесяти лет от роду. Обвив тело святого тонким полотном и положив его во гроб, я оставила пустыню, а корзину ту буду беречь у себя до самой смерти.

Говорят также, что Памво перед своею смертью, в самый час преставления, сказал стоявшим при одре его пресвитеру и эконому, Оригену и Аммонию, мужам известным по жизни:

— С того времени, как пришедши в эту пустыню, построил я себе келлию и стал жить в ней, не провел я ни одного дня без рукоделья; не помню, чтобы когда-нибудь съел кусок хлеба, данный кем-нибудь даром; до сего часа не раскаиваюсь ни в одном слове, которое сказал я, и теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему.

Рабы Христовы Ориген и Аммоний точно подтверждали это и сказывали нам еще, что, когда

спрашивали Памво о чем-нибудь из Писания или касательно жизни, он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что еще не нашел ответа. Часто проходило месяца три, а он не давал ответа, говоря, что еще не знает, что отвечать. Памво из страха Божия был весьма осмотрителен в своих ответах, так что их принимали с благоговением, как бы изречения Самого Бога. Этой добродетелью, то есть осмотрительностью в слове, говорят, он превосходил даже Антония Великого и всех святых.

11. О ПИОРЕ

Между прочими деяниями святого Памво рассказывают еще следующее: однажды блаженный Пиор, подвижник, пришел в его келлию со своим хлебом. Когда Памво упрекнул его, для чего он так сделал, Пиор отвечал ему:

— Для того, чтобы тебе не быть в тягость.

Памво молча отпустил его. Спустя несколько времени приходит Великий Памво в келлию Пиора также со своим хлебом, который был уже и размочен у него. На вопрос Пиора, зачем он принес хлеб размоченный, Памво отвечал:

— Чтобы и мне не быть тебе в тягость, я сам размочил хлеб.

12. ОБ АММОНИИ

Аммоний, бывший учеником Великого Памво, вместе с тремя другими братьями и двумя сестрами, достигнув самой высокой степени боголюбия, поселились в пустыне и построили два особых монастыря: братья — мужской, а сестры — женский, на довольноном расстоянии один от другого. Между тем Аммония в одном городе пожелали иметь епископом, ибо великий сей муж обладал ученостью необыкновенной. Посланные от города пришли к блаженному епископу Тимофею и просили его рукоположить им Аммония во епископа.

— Приведите его ко мне, — отвечал епископ, — и я рукоположу вам его.

Взяв с собою довольно людей, они пошли за ним, но Аммоний бежал. Видя наконец, что его догоняют, он остановился и стал их упрашивать. Когда же те не слушали, он поклялся им, что не примет сана и не может оставить пустыню. Когда и это не подействовало, он при всех взял ножницы и совсем отрезал у себя левое ухо до корня, сказав:

— Теперь вы должны увериться, что мне нельзя принять сан, к которому меня принуждаете, ибо закон повелевает не допускать того к священству, у кого отрезано ухо. После этого они, оставив его, ушли и, пришедши к епископу, рассказали об этом. Тот им говорит:

— Закон этот пусть соблюдают иудеи, а ко мне ежели приведете хотя и безносого, только достойного по жизни, я рукоположу его.

Граждане пошли опять упрашивать Аммония. Когда святой муж стал отказываться, они хотели было вести его насильно. Но он поклялся отрезать себе и язык, если станут принуждать его. После этого его отпустили и ушли.

Пищу Аммония с молодых лет до самой кончины составляли сырые овощи; он не ел ничего приготовленного на огне, кроме хлеба. Знал он все книги Ветхого и Нового Завета наизусть и многократно перечитал писания знаменитых мужей — Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана; об этом свидетельствуют и великие отцы пустыни. Рассказывают и о его пророчествах. Назидательнее его никого другого не было для братии, живших в пустыне. Блаженный Евагрий, муж духоносный и строгий в суждении, так отзывался о нем: "Не видывал я человека бесстрастнее его". Во время отбытия великого Аммония в Константинополь по нуждам пустынножителей сей блаженный (Евагрий) по убеждению святых епископов, пришедших из разных областей, и здешних пустынников воспринял от купели святого Крещения Руфина, тогдашнего преторианского префекта, который много раз просил его об

этом. Крещение совершено было в присутствии сих епископов в той церкви, которую построил сам Руфин — для положения в ней святых — на самих гробницах. Во всем послушный преподобному Аммонию, Руфин почтил Евагрия достойно его святой жизни. Аммоний спустя немного времени почил и был положен в храме, называемом Руфиновым. Его гробница, говорят, исцеляет от простуды.

http://www.portal-slovo.ru/theology/37662.php?ELEMENT_ID=37662